

Не-западный анархизм: переосмысливая глобальный контекст

Джеймс Адамс

Оглавление

Азиатский анархизм: Китай, Корея, Япония и Индия	9
Африканский анархизм: игбо, Египет, Ливия, Нигерия и Южная Африка . . .	16
Латиноамериканский анархизм: Аргентина, Уругвай, Бразилия, Чили, Мек- сика и Куба	19
Анархизм на Среднем Востоке: Армения, Ливан, Турция, Палестина	25
Заключение: значение описанного выше для новой волны анархизма в XXI веке	27
Библиография:	32

«Будущее анархизма следует оценивать в глобальном контексте: любая попытка локализовать его неизбежно принесет ущербные плоды. Препятствия, с которыми сталкивается анархизм, в основном глобальны; лишь их специфические черты определяются местными условиями»

– *Сэм Мба*

«Для реакционеров сегодняшнего дня мы революционеры, но революционерам завтрашнего дня наши действия будут казаться действиями консерваторов»

– *Рикардо Флорес Магон*

Цель этой статьи – помочь анархическим/антиавторитарным движениям, действующим сегодня, составить новое представление об истории и теории анархизма первой волны на всемирном уровне и заново посмотреть, насколько его опыт применим к текущим анархическим проектам. Однако для того, чтобы по-настоящему понять всю сложность и взаимосвязанность анархизма как всемирного движения, нам необходимо обратить особое внимание на уникальность и силу движений, развивавшихся в среде «людей без истории». Причина этому том, что историография анархизма сосредоточивается на этих движениях почти исключительно в связи с народами Запада и Севера, в то время как движениями среди людей Востока и Юга повсеместно пренебрегают. В результате создается впечатление, что анархические движения возникали преимущественно в более привилегированных странах. Ирония заключается в том, что анархизм как раз был, по преимуществу, движением самых обездоленных регионов и народов планеты. То, что об этом не найти упоминаний в большей части анархической литературы, необязательно говорит о злонамеренном пренебрежении не-западными анархическими движениями, но, скорее, о том глубоко укоренившемся с течением веков европоцентризме, который так и не преодолен до сих пор. Однако ситуация в какой-то степени меняется, так как в последние десятилетия было сделано несколько попыток заново подробно рассмотреть историю анархизма в отдельных не-западных странах и регионах. В этой связи можно назвать такие работы, как «Анархизм в Китайской революции» Арифа Дирлика (Dirlik), «Африканский анархизм» Сэма Мба и «Кубинский анархизм» Фрэнка Фернандеса. Эта статья продолжает линию, намеченную указанными исследованиями, и дальше углубляется в относительно новую сферу систематической оценки, сравнения и синтеза открытий, сделанных всеми этими исследователями, в сочетании с оригинальными изысканиями, для того чтобы выработать более цельное понимание мирового анархизма и его истории.

В начале нашего исследования необходимо пояснить, что мы в действительности подразумеваем под «западным анархизмом». Если обратиться к прошлому, к дебатам внутри Первого интернационала, быстро становится ясно, что само употребление этого термина неправильно, так как на самом деле истинно как раз противоположное: корни анархизма всегда были больше на Востоке/Юге, чем на Западе/Севере. Как отмечает Эдвард Кребс: «Маркс (и Энгельс) видели в идеях и поведении Бакунина русскость», в то время как «Бакунин выражал опасения, что социальная революция станет характеризоваться “пангерманизмом” и “государственничеством”». Этот спор заставил многих характеризовать его как в значительной степени спор между западной и восточной разновидностями социализма; отличительная черта первого – фундаментальная приверженность к порядку, второго – фундаментальная

приверженность к свободе (1998, р. 19). Так что в этом смысле анархизм можно рассматривать, скорее, как «восточное» понимание социализма, чем как чисто западную традицию в обычном смысле слова. В то же самое время следует помнить, что существовал также крайне болезненный раскол по линии Север/Юг между более развитыми странами, такими как Англия и Германия, и менее развитыми, полупериферийными странами – Испанией, Италией и другими. Этот раскол основывался на различиях в материальном окружении, но очень сильно проявился и в области идеологии, когда англосаксонские страны в основном приняли сторону Карла Маркса, а южные, романские страны – Михаила Бакунина (Мбах, р. 20). Поэтому и в отношении Восток/Запад, и в отношении Север/Юг анархизм часто становился теорией, которую выбирали самые угнетенные народы, особенно в тех обществах, чей преимущественно феодальный характер с точки зрения Марксова понимания мира выбрасывал их на обочину истории. Это в значительной степени позволяет понять, почему анархизм приобрел такую популярность по всей Латинской Америке, а иммигрантов-анархистов из романских стран Европы так хорошо принимали то в одной, то в другой стране, куда они приезжали, чтобы распространять анархические идеи.

Используя ярлык «западный», я имею в виду не реальную историю анархизма, но скорее то, как он понимается, когда его конструируют, глядя сквозь многочисленные линзы марксизма, капитализма, европоцентризма и колониализма. Этот искаженный, вырванный из контекста и внеисторический анархизм, который сейчас нам хорошо знаком, был сконструирован преимущественно академическими авторами, пишущими в контексте основных стран Запада: Англии, Германии, Франции, Италии, Испании, Соединенных Штатов, Австралии и Новой Зеландии. Так как вплоть до 1990-х годов никто реально не старался опровергнуть европоцентрическое понимание анархизма, огромное большинство доступной литературы, претендующей на то, чтобы считаться беглым обзором анархизма, написано так, что у читателя складывается убеждение, будто анархизм всегда существовал исключительно в этом контексте, и лишь изредка, если вообще когда-либо, где-то вне его. Поэтому тот анархизм, который получает широкую известность, обычно отождествляется с Западом, несмотря на свои восточные корни; Кропоткин, Бакунин, Годвин, Штирнер и Гольдман представляют анархизм первой волны; Мельцер, Хомский, Зерзан и Букчин – анархизм второй и третьей волны. Такие плодотворные деятели первой волны, как Шифу, Атабекян, Магон, Сюдзё и Глассе редко даже упоминаются; подобная же судьба постигла и таких представителей второй и третьей волны, как Нараян, Мба и Фернандес – все они не-западного происхождения. К несчастью, конструирование анархизма как сугубо западного явления привело к непреднамеренному европоцентризму, который пронизывает произведения многих теоретиков и писателей второй и третьей волны. Затем большинство людей воспринимает анархизм по их работам, так как их книги постоянно издаются и переиздаются, продаются и перепродаются на анархических книжных ярмарках, в инфошопах, книжных магазинах и других местах, цитируются и анализируются, сравниваются и обсуждаются среди читающей публики, в академических изданиях, на собраниях, вечеринках, демонстрациях, митингах и пикетах. Очевидно, что анархические движения второй и третьей волны испытывали к этому «западному анархизму» огромное почтение – в результате чего

анархизм во многом трансформировался из массовой традиции самых угнетенных слоев общества в нечто ненамного большее, нежели неопределенная смесь предмета академического интереса западной научной элиты и кратковременного бунтарского периода в жизни молодежи, который представляется чем-то, что обычно проходит со временем.

Эта статья представляет альтернативную точку зрения с надеждой, что указанную выше тенденцию удастся преодолеть; она пытается показать, что в первой четверти двадцатого столетия анархизм был крупнейшим антисистемным движением почти во всех частях мира, а не только на Западе. Учитывая, что более трех четвертей населения земного шара живет за пределами Запада, быстро становится ясно, что у анархизма по определению должно быть больше приверженцев вне Запада, чем внутри него. Поэтому будет справедливо сказать, что с самого своего зарождения анархизм был не просто движением общемирового значения, но также по преимуществу движением не-западным. Новым подтверждением этой основополагающей истины послужил рост, начиная со второй половины 1960-х годов и далее в течение первой половины 1970-х, анархизма второй волны в Индии, Аргентине, Мексике и Южной Африке (Joll, 1971, pg. 171). В свою очередь, анархизм третьей волны, набравший популярность в конце 1990-х и сохраняющий ее по сей день, также еще раз подтверждает этот тезис на примере возрождения движения в Бразилии, Аргентине, Корее, Нигерии и других местах. Однако цель этого очерка – вновь критически исследовать первую всемирную волну анархизма, чтобы анархисты смогли более целостно и плодотворно размышлять о значении прошлого и его долговременных следствиях в настоящем. Конечно, эта попытка подвергнуть критике узкое видение «западного анархизма» также должна привести к более четкому пониманию значения и потенциала анархизма второй и третьей волны в настоящем в будущем. В самом деле, подобной же мотивацией руководствовалась критика ленинизма/сталинизма, которая получила развитие вслед за во многом вдохновленными анархистами событиями мая 1968 года, равно как и критика маоизма, которой дало толчок демократическое движение в Китае конца 70-х годов; и то и другое внесло огромный вклад в развитие анархизма второй и третьей волны по всему миру.

Тем не менее, когда идет речь о нашем понимании прошлого, есть ряд моментов, которые надо все время учитывать. При поверхностном исследовании обстоятельств, при которых развились эти волны анархизма, может легко показаться, что они соответствуют неким «историческим ступеням». Например, может создаться впечатление, что анархизм первой волны пришел в упадок по всему миру после подъема большевизма или что крах государственного социализма после 1989 года стал причиной возвращения анархизма в виде его третьей волны. Несмотря на то, что оба этих утверждения в определенной степени верны, следует крайне осторожно и рассудительно относиться к подобным заманчивым обобщениям и попыткам выделить суть всемирных общественных движений, чтобы облегчить их восприятие; в самом деле, часто такой шаг вообще непозволителен. Причина этому заключается в том, что ни при каких обстоятельствах не возможно осознать все нюансы и сложность тысяч общественных движений, которые пульсировали по всему незападному миру, глядя сквозь линзы какой-то одной всеохватывающей теории; даже кажущиеся незначительными факторы социальных различий могут полностью

обесценить подобный подход. Например, в то время как во многих частях мира после Октябрьской революции 1917 года анархизм пришел в упадок, на большей части планеты как раз именно в это время анархизм достиг небывалого уровня популярности. Это случилось главным образом благодаря периодическим изданиям анархической направленности на местных языках, которые в изобилии появились в этих странах, – что означает, конечно, что анархизм стал основным источником альтернативного понимания природы вещей в мире в целом. Другими словами, незначительные различия в языке и социальных условиях от одного региона мира к другому делают какое-либо утверждение о всемирном значении захвата власти Лениным совершенно неоправданным. Или, к примеру, если кто-то утверждает, что первобытный коммунизм «неизбежно» прокладывает дорогу феодализму, за которым точно так же следуют капитализм, социализм и, в конце концов, коммунизм, то такому человеку вся история гибридных африканских форм социализма будет представляться несуществующей. Эти попытки сконструировать всеобщие законы, которые помогли бы понять историю, являются как раз тем, чего следует сознательно избегать, дабы понять важность различий при создании целостной картины. В самом деле, как показал Теодор Адорно в «Негативной диалектике», лишь через отрицание и различие можно постичь исторический процесс в его целостности (Held, 1980, p. 205).

Поэтому, несмотря на то, что к настоящему времени человечество уже в течение нескольких столетий связано на глобальном уровне, и многие комплексные явления представляются результатом этого, важно помнить, что эта связь очень непрочна, хаотична и непредсказуема. В результате то, что справедливо относительно какого-то одного региона, несправедливо относительно другого, а то, что верно относительно определенной страны в пределах данного региона, часто неправильно в отношении какой-то ее части. Поэтому, когда обобщающие заявления касательно истории подвергаются испытанию критикой, они обычно довольно быстро показывают свою несостоятельность. Эта критика особенно действенна в отношении представителей худших разновидностей такого детерминистского мышления. Например, как отмечал Сэм Мба, многие ученые марксистской ориентации доходят до того, что заявляют, что колониализм можно рассматривать как в некотором роде «благо», так как он позволил всем регионам мира достичь капиталистической «стадии» истории – разумеется, необходимого предварительного условия для диктатуры пролетариата. Чтобы избежать таких нелепых обобщений, я решил сосредоточиться в этой статье не только на определенном единстве и однородности различных регионов, но и на отрицании, разнородности и отличии. То есть я пытаюсь раскрыть то, что придает анархизму в различных не-западных странах, регионах и субрегионах уникальность, не упуская из виду также те аспекты, которые являлись для него общими, а также то, каким образом первое и второе было взаимосвязано. Надеюсь, избранный мною подход послужит весомым вкладом в будущее всемирного анархического проекта, благодаря тому, что я сознательно решил не давать жестких определений касательно истории не-западных обществ. Пусть вместо этого история каждого отдельного общества говорит сама за себя, выявляя связи там, где они существуют на самом деле, и не пытаюсь в то же время утаить противоречия там, где они должны возникать. Я

делаю это сознательно, потому что именно таковым должен быть подход того, кого можно назвать «союзником».

Несмотря на мое решение избегать какой-либо всеохватывающей теории, я решил сосредоточиться преимущественно на одном определенном временном отрезке: со второй половины 19-го века до конца первой четверти 20-го века. В то время как анархистам второй и третьей волны свойственно описывать это время как период господства того, что они называют «классическим» анархизмом, я утверждаю, что анархизм всегда был лишенной единого центра и многообразной традицией. Вместо того чтобы определять целый период как соответствующий той или иной системе взглядов, я, скорее, предпочитаю сосредоточиться на первичности противоречий и различий, используя концепцию «волн» скорее как средство, помогающее понять подъемы и спады различных течений мирового анархизма, чем как способ определить природу самих этих течений. В то время как может показаться, что это накладывает временные рамки на развитие исторического идеологического течения, которое не обязательно ограничено таковыми, мой подход в этом отношении ставит целью не навязать подобные рамки, но, скорее, опровергнуть и подвергнуть деконструкции концепцию «классического» анархизма как единообразной системы мысли, которую можно привязать к определенному времени и месту. Я делаю это потому, что считаю, что идея классического анархизма играет ключевую роль в создании концепции западного анархизма, так как последняя сложилась именно в западном контексте, и подобную терминологию никогда не используют применительно к не-западному анархизму. Ирония заключается в том, что, сосредоточиваясь на определенном периоде, я фактически пытаюсь разрушить ложную дихотомию «классических» и «постмодернистских» течений анархизма, чтобы показать, что понимание «прогрессивного» развития течений анархизма как сменяющих друг друга во времени в конечном счете оказывается несостоятельным. Ведь в этом случае даже приблизительно не осознать весь спектр мысли, который существовал на глобальном уровне в истории анархических идей; равно не осознаются непосредственные связи между ранними и более поздними идеями. Если «западный анархизм» – это европоцентристский конструкт, то понятие «не-западный» также должно быть в известной степени сомнительным. Используя его, я не желаю создать впечатление, что не-западные общества можно или следует рассматривать как некий единый и однородный «мир» в каком бы то ни было смысле. Равным образом не хочу я сказать, что внутри самого Запада нет людей, которые происходят из не-западных обществ или имеют предков не-западного происхождения или что эти люди никогда не участвовали в анархической деятельности. В самом деле, более полное исследование не-западных форм анархизма должно дополнительно рассматривать историю анархизма среди туземных народов и людей с небелым цветом кожи внутри западных стран. Однако я особенно стремлюсь показать влияние, которое оказали на развитие анархизма глобальные миграции и возникшая в результате идеологическая смесь, – что-то из этого было даже в пределах западных стран, особенно в Париже и Сан-Франциско. Я также предполагаю, что меня будут критиковать за включение в контекст моего исследования Латинской Америки, в связи с чем непонятно, что именно я вкладываю в понятие «Запад». На этот вопрос я отвечаю, что включением Латинской Америки я отрицаю, что этот регион можно

понимать как всецело относящийся к «Западу» только на том основании, что его жители прочно отождествляют себя с культурой колонизаторов – или, возможно, лучше сказать, что это культура колонизаторов отождествляет их с собой. Я, скорее, в традиции Гильермо Бонфиля Баталлы, признаю «глубокий» местный контекст, в котором возникли эти состоящие по преимуществу из метисов общества и который оказывал и продолжает оказывать на эти общества непрерывное влияние. С этой точки зрения Латинскую Америку можно по праву рассматривать в контексте не-западных обществ. В интересах этого исследования, которое представляет собой попытку собрать по кусочкам историю анархизма в тех странах, которыми, как правило, в этой связи пренебрегают, я буду определять термином «Запад» по существу лишь Европу, Австралию, Новую Зеландию, Канаду и Соединенные Штаты. Эти регионы и национальные государства помещены в одну группу потому, что с конца 15-го века и до настоящего времени они представляют центр мирового доминирования как в том, что касается противодействия самоопределению остального мира, так и в том, что касается противодействия самоопределению туземных народов, людей с небелым цветом кожи и людей, принадлежащих к рабочему классу в своих собственных границах.

Сегодня все национальные государства в мире являются гибридами Запада и не-Запада, так как феномен глобализации навязывает гегемонию неолиберального капиталистического проекта по всему миру. Это не только результат силового принуждения – это также потому, что не-западные страны отвечают на наступательное доминирование западного мира и стремлением превзойти его, и принятием его основополагающих ценностей и идей. Но Запад никогда не рассчитывал вот на что: продвигая и навязывая «модернизацию» посредством социал-дарвинистского коктейля из неолиберализма, колониализма, индустриализации и колониализма, он также косвенно легитимизировал антисоциалдарвинистские версии модернизации, то есть, так сказать, социалистический и анархический проекты. Однако, как недавно отмечали турецкие анархисты, незападный «социализм» часто совпадает с модернизационными проектами, даже допуская неолиберальные капиталистические «программы структурного урегулирования» (Structural Adjustments Programs). Они отмечают, что анархизм, в противоположность этому «был порожден западным и современным миром, тем не менее, он в то же самое время являлся отрицанием этого... анархизм был отрицанием современности и западного доминирования» (Ваку, 2001). Поэтому представители многих не-западных народов по всему миру видели, что правительства их стран поддаются влиянию Запада, и принимали только те возможности, входившие в модернизационный пакет, которые, как им казалось, могли гарантировать им чуточку свободы и равенства, – анархизм и социализм. Таким образом, можно сказать, что модернистский проект оказался вывернут наизнанку и обращен против самого себя теми, кого он стремился сделать своей жертвой и поставить под контроль. Этот модернизм наизнанку (или антимодернизм) чаще распространялся благодаря всемирной миграции анархистов и анархических идей, а не в результате принудительного изгнания. Эррико Малатеста, например, помогал распространять анархический коммунизм в столь удаленных друг от друга странах, как Ливан и Бразилия, Египет и Куба. Котоку Сюсуй почти без посторонней помощи распространил анархический синдикализм в Японии, после того как в 1906 году

проработал некоторое время с американскими ИРМ в Сан-Франциско. А Картар Сингх Сарабха оказал определяющее влияние на индийского анархиста Бхагата Сингха, после того как в 1912 году в том же городе помог организовать индийским рабочим.

На протяжении всей этой работы, которая будет рассматривать анархизм в его азиатском, африканском, латиноамериканском и ближневосточном региональном контекстах, мы будем исследовать три основные сферы, которые находятся в центре наших интересов. Во-первых, мы рассмотрим, какие специфические для этих мест социальные условия привели к подъему анархизма как идеологии, и как эти условия постепенно проявились в уникальной гибридной форме мирового анархического движения. Во-вторых, мы обрисовываем в общих чертах и анализируем влияние миграций людей и идей в том или ином направлении, и то, как эти различные социальные контексты влияли друг на друга посредством пересечения и обмена. В последнем разделе исследования, который составляет заключение, мы определим, какие уникальные аспекты не-западного анархизма первой волны унаследовал анархизм второй волны, равно как рассмотрим, какие ценные аспекты имеются в анархизме первой и второй волны для продолжения анархического проекта, который сейчас развивается в рамках третьей волны.

Азиатский анархизм: Китай, Корея, Япония и Индия

Чтобы начать оспаривать господствующее европоцентрическое понимание анархизма и его истории, нужно в первую очередь обратить взор к самому многонаселенному континенту на планете – Азии. Игнорировать подверженную постоянным изменениям политическую историю региона, где проживает более половины мирового населения, – значит впадать в худшую разновидность европоцентризма; не говоря, конечно, о том, что именно в результате этого мы получаем поверхностное и искаженное понимание анархизма. В первой четверти двадцатого столетия во многих частях Азии анархизм был основным радикальным левым движением. Это следует считать очень важным для анархического проекта, потому что в глобальном контексте Китай – самая многонаселенная страна мира с населением более 1.2 миллиарда человек. Второе место по населению занимает Индия – чуть больше 1 миллиарда человек. В каждой из этих стран проживает более 1/5 населения земного шара, и в обеих анархическая мысль по своему политическому значению поднялась на уровень, не имеющий себе равных в других, менее крупных, странах Азии. Только с точки зрения населения это обстоятельство делает переосмысление глобального контекста чрезвычайно ценным, вот почему я начинаю отсюда. В рамках континента мы начнем с Китая, затем переместимся в другие страны Азии, а потом проследуем в Индию.

Существовало множество причин, связанных с местной спецификой, по которым анархизм приобрел такую популярность в Китае. Многие указывают на такой элемент традиционной китайской мысли от даосизма до буддизма и конфуцианства, как «ограниченное правление» (ву-вэй). В согласии с этой точкой зрения Питер Зарров в книге «Анархизм и китайская политическая культура» утверждает, что анархизм был

«создан из руин неоконфуцианского дискурса». Основываясь на этом положении, он продолжает выявлять связи между даосскими идеями «правления без принуждения» и позднейшим появлением анархизма (1990, р. 5). Хотя в утверждениях Заррова, несомненно, присутствует доля истины, чего следует сознательно избегать, так это какого бы то ни было чрезмерного сосредоточения на «анархических» элементах, содержащихся внутри китайской традиционной мысли в ущерб пониманию той важной роли, которую играли глобальная миграция и колониализм как таковой. Как отмечает Ариф Дирлик, чрезмерное сосредоточение на традиционной мысли тоже можно назвать своего рода ориентализмом, так как оно приписывает «все новое в Китае китайской традиции... другая форма утверждения, что в Китае не существует ничего существенно нового». В противоположность этому Дирлик утверждает, что «с помощью анархизма китайское прошлое получает новое прочтение, и, напротив, анархизм по-новому раскрывается сквозь призму даосских и буддийских идей» (1997). Другими словами, развитие и распространение идей никогда не является всецело односторонним процессом, это всегда обмен.

В любом случае, это только один аспект; другая важная причина состоит в том, что вплоть до примерно 1921 года марксистские теоретические работы практически не были переведены на китайский язык и даже после этого движение, основанное на них, не смогло оформиться вплоть до конца десятилетия. В результате в 1905-1930 годах анархизм почти безраздельно господствовал в китайском революционном движении, служа, таким образом, своего рода фильтром для событий, связанных с деятельностью радикальных движений по всему миру. В результате даже Октябрьская революция 1917 года в России была объявлена «анархической революцией», хотя это искажение фактов продолжалось недолго. Таким образом, в отличие от остального мира, анархическое движение Китая с победой большевиков в России не пошло на спад, но вместо этого набрало популярность вместе с ней (Dirlik, 1991, р. 2).

Анархизм в Китае достиг вершины популярности во время «Китайского Возрождения», также известного как «Движение новой культуры». Анархизм оказался способен утвердиться именно через посредство влиятельных западных идей либерализма, сциентизма и прогресса. И ирония заключается в том, что именно новое осознание Китая скорее как национального государства в децентрализованном, космополитичном мире национальных государств, чем центра всей культуры, вызвало подъем идеологии, призывающей к упразднению национального государства (р. 3).

Истоки концепции «культурной революции», которая является самой главной отличительной чертой китайского социализма на фоне остального социалистического движения, можно увидеть непосредственно в определенно анархической концепции «новой культуры». Во времена расцвета последней сам Мао был членом анархического «Общества гласа народного» (People's Voice Society) и с воодушевлением поддерживал идеи, среди прочих мыслителей, выдающегося анархического лидера Шифу (Dirlik, р. 195; Krebs, р. 158). Конечно, анархическая концепция культурной революции очень сильно отличалась от Культурной революции, которую Мао осуществил на практике, так как к тому времени, после активного контакта с Коминтерном, он полностью убедился в необходимости централизованной, абсолютной власти. Именно из анархического движения этого периода выйдет большинство лидеров Коммунистической партии Китая.

Когда говорят о «китайском анархизме», можно невольно подумать о нем как о чем-то, что развивалось в пределах фактических границ страны. Но думать так – значит игнорировать то важное влияние, которое оказывала на движение, полностью интернациональное по своему размаху, миграция. На материке деятельность китайских анархистов была сосредоточена в основном в регионе Гуанчжоу на юге Китая, а также в Пекине. В Гуанчжоу Ши-фу был самым активным и влиятельным анархистом, помогая организовать некоторые из первых рабочих союзов в стране. Среди многих других проектов, студенты из Гуанчжоу образовали «Общество истины», первую анархическую организацию в Пекине. Но, подобно другим национальным государствам по всему миру в то время, Китай быстро становился более динамичной, разнообразной страной, на которой оставляли глубокий отпечаток следующие друг за другом вторжения иностранных держав, а также глобальные миграции ее собственного народа. Анархисты жили и организовывались среди китайских общин по всему миру, включая Японию, Францию, Филиппины, Сингапур, Канаду и Соединенные Штаты; самыми важными точками из них были диаспоры в Токио и Париже. Наконец, из этих двух парижские анархисты пользовались большим влиянием на мировом уровне. Испытывая сильное влияние своего европейского окружения (как и разного рода других, личных обстоятельств, которые привели их туда), они стали рассматривать многое в Китае как проявления отсталости, отрицая большинство аспектов традиционной культуры. Обратившись к модернизму как к универсальному решению китайских проблем, они принимали то, что они рассматривали как универсальную силу науки, воплощенную, главным образом, в идеях Кропоткина. В духе этих принципов Ли Ши-цзэн (Li Shizeng) и Ву Жи-хуэй (Wu Zhihui) создали в 1906 году организацию с сильным интернациональным уклоном под названием «Общество мира» (Dirlik, p. 15). Напротив, китайские анархисты в Токио, такие как Лю Ши-пей (Liu Shipai), были откровенными антимодернистами, принимали традиционную китайскую мысль и обычаи. Живя в иных социальных условиях, по многим разнообразным причинам они испытывали намного большее влияние анархизма в той форме, в какой он развивался в Японии; это, конечно, подводит нас к вопросу о японском анархизме.

Как и в Китае, в Японии Октябрьская революция не произвела того ослабляющего воздействия на движение, которое она оказала во многих других странах мира. Фактически, период непосредственно после 1917 года стал наивысшим расцветом японского анархизма и с точки зрения реального числа участников, и с точки зрения влияния (Gump, p. xvi). Анархизм в Японии был довольно разнообразен, но среди многообразной массы анархистов существовали две основные тенденции: анархо-синдикализм, основанный на идеалах классовой борьбы, который распространяли такие фигуры, как Котоку Сюсуй и Осуги Сакаэ, и в чем-то более широкая тенденция «чистого анархизма», которую развивали такие активисты, как Хатта Сюдзэ. В первой четверти двадцатого века обе тенденции привлекали заметное число приверженцев, и в различные отрезки этого периода каждая пережила свою пору расцвета.

Анархо-синдикалисты следовали бакунинской традиции коллективизма, которая основывалась главным образом на отношениях обмена: каждому вознаграждение, равное его вкладу в большом коллективе. Кроме того, синдикалисты сосредоточивались главным образом на повседневной борьбе рабочего класса, считая, что более

великую цель, революцию, следует отложить до того времени, пока они не достигнут значительной степени организованности. После революции ее участники должны сохранить свою «рабочую» идентичность, которая была у них до революции. Наиболее массовым воплощением этой тенденции стала Всеяпонская либертарная федерация профсоюзов (Дзенкоку дзирен), значительная анархо-синдикалистская федерация рабочих союзов, основанная в 1926 году, которая могла похвастаться более чем 16 тыс. участников (Crump, p. 97).

В 1903 году Котоку Сюсуй оставил свою работу в токийской газете, когда она выступила за войну с Россией и в поддержку оккупации Кореи. Он начал издавать антивоенную «Газету простого народа» (Хеймин синбун), за что вскоре был арестован. Находясь в тюрьме, он установил контакт с анархистами из Сан-Франциско, и все больше и больше проникался интересом к анархической теории. После освобождения из тюрьмы Сюсуй уехал в Сан-Франциско, вступил там в IWW и возвратился в Японию, принеся с собой теоретические и практические основы синдикализма. Вскоре это движение оказало влияние на такие фигуры, как Осуги Сакаэ и привело к созданию «Дзенкоку дзирен» (Crump, p. 22).

Напротив, «чистые» анархисты были ближе к анархо-коммунистам в традиции Кропоткина в сочетании с сильным антимодернистским, протрадиционалистским уклоном. Как группа, они были представлены прежде всего воинствующей организацией «Лига черной молодежи» (Кокурэн). Многие считают, что исторически их главным философским предшественником был теоретик «аграрного анархо-коммунизма» середины XIX века Андо Соёки (Shoeki). Критика анархо-синдикализма «чистыми» анархистами сосредоточивалась в основном на синдикалистской идее сохранения разделения труда в управлении послереволюционным обществом. Это разделение труда означает, что специализация останется главной характерной чертой общества, что неизбежно приведет к подходу, при котором в центре внимания будут скорее конкретные отрасли промышленности, а не преодоление различия между интеллектуалом и рабочим. «Чистые» анархисты также стремились упразднить отношения обмена, исходя из максимы «от каждого по способностям, каждому по потребностям». В каком-то смысле их деятельность можно рассматривать как попытку создать разновидность анархизма с большей японской спецификой. Например, они ставили под сомнение уместность синдикализма в обществе, все еще остающемся в значительной степени крестьянским, с относительно небольшим количеством промышленных рабочих (Crump, p. 7). Несмотря на разногласия между синдикалистами и «чистыми» анархистами, у них была одна общая черта. Она заключалась в том, что все японские толкования анархизма представляли собой гибридные теории, приспособленные к местной ситуации. Это была ситуация постоянных репрессий: на протяжении всего периода анархизма первой волны митинги регулярно разгонялись, демонстрации пресекались, а анархические издания запрещались. Ярким примером этого служит «инцидент с красным флагом» 1908 года. Тогда десятки анархистов праздновали освобождение политического заключенного Кокена Ямагути, и подверглись жестокому нападению и аресту только за то, что развернули красный флаг. Перевод и издание анархических текстов часто осуществлялись тайно, чтобы избежать репрессий. Именно так Котоку переводил «Хлеб и волю» Кропоткина. Другим аспектом специфических местных условий было то, что тексты, которые

описывали западные реалии, нужно было сделать понятными местному населению. Например, в широко распространенном японском переводе собрания сочинений Кропоткина европейское понятие «коммуна» передано словом, обозначающим традиционную японскую земледельческую деревню (Сгумр, р. хiii). Но этот процесс частично происходил также через посредство западных анархистов и через миграцию и иммиграцию людей и идей. Это, конечно, тоже был путь, с помощью которого эти работы переводились на японский. Кропоткин непосредственно переписывался с Котоку и позволил ему перевести некоторые из своих главных трудов, в то время как путешествия Котоку в Сан-Франциско также привели к разительным переменам в японском анархическом движении. Таким образом, всемирные связи анархистов были чрезвычайно важны, но, как я уже показал, анархизм преподносился сообразно местным условиям. Другим важным обстоятельством, которое повлияло на формирование восточноазиатского анархизма, было то, что у Японии существовала своя собственная разновидность «Доктрины Монро», которая распространялась на большую часть региона. Как часто повсюду бывает в таких случаях, японские анархисты использовали свое относительно привилегированное положение для того, чтобы распространять анархизм по всему региону. Эти усилия в разных частях Азии привели к образованию Восточной анархической федерации, в которую вошли анархисты Китая, Вьетнама, Тайваня и Японии. Фактически, именно так анархизм достиг Кореи после японского вторжения 1894 года, осуществленного под предлогом ее «защиты» от Китая. Корейские мигранты, жившие в Токио, попали под влияние японского анархизма и всем сердцем включились в антиимпериалистическое движение. В результате более 6 тыс. человек было арестовано властями авторитарного японского государства по фантастическому обвинению в организации токийского землетрясения 1923 года. Их избивали, бросали в тюрьмы, а двое даже были вместе со своими японскими товарищами приговорены к смерти по «Делу о государственной измене» (MacSimion, 1991). Позже, во время борьбы за независимость в 1919 году, в которой анархисты играли видную роль, беженцы из Кореи мигрировали в Китай, где анархическое влияние достигло высшей степени благодаря Движению новой культуры. В то же самое время японские анархисты продолжали свое солидарное сотрудничество с корейским освободительным движением.

К 1924 году в Китае образовалась Корейская анархо-коммунистическая федерация (КАКФ), имевшая ярко выраженную антиимпериалистическую направленность, которая также помогала организовывать анархические рабочие союзы. В то же самое время анархические тенденции развивались в самой Корее. Например, примерно в это же время организовалась «Лига революционеров», которая поддерживала тесные связи с Лигой черной молодежи в Токио. К 1929 году их деятельность в полной мере проявилась в самой Корее, прежде всего в районе крупных городских центров – Сеула, Пхеньяна и Тэгу. Однако наивысшей точки корейский анархизм достиг позже и вне фактических границ Кореи – в Маньчжурии, когда КАКФ провозгласила автономию провинции Синмин (Shinmin) под управлением Ассоциации корейского народа. Децентрализованная, федеративная структура ассоциации включала сельские, окружные и областные советы, которые взаимодействовали друг с другом в делах сельского хозяйства, образования, финансов и в других жизненно важных вопросах. Секции КАКФ в Китае, Корее, Японии и во всех остальных странах всеми

силами старались содействовать успеху Синминского восстания, большинство из них в конечном счете переместилось туда. Противостоя одновременно попыткам сталинистской России уничтожить Синминский автономный регион и попыткам империалистической Японии получить над ним контроль, корейские анархисты к 1931 году были разгромлены (MacSimion, 1991). По всей Восточной Азии анархисты проявляли глубокую приверженность интернационализму, поддерживая и укрепляя движения друг друга. Их мышление выходило далеко за рамки «своих» национальных государств. Таким образом, «национализм» китайских и корейских анархистов можно рассматривать как форму анархистского интернационализма, одетого в националистические одежды в политических интересах. В обеих этих странах анархическое движение стремилось поддерживать национально-освободительную борьбу до тех пор, пока не будет сброшено империалистическое господство; но они были решительными интернационалистами в своей долгосрочной цели, которая состояла в ликвидации также и китайского и корейского национальных государств. То же самое можно сказать и о японских анархистах, которые проявляли солидарность с антиимпериалистическим движением в Китае, Корее и других частях Восточной Азии. Как отмечалось ранее, возникновение Восточной анархической федерации и ее газеты «Восток» (Дон Бан) служит свидетельством глобального характера и видения анархизма начала двадцатого века.

Хотя Индия является западной соседкой Китая, о связи и взаимодействии анархизма в обеих странах более или менее ничего не известно, потому что анархизму в Индии реально никогда не были свойственны многие характерные черты, которые формально считаются «анархическими». Мы можем говорить об анархизме применительно к Индии главным образом благодаря тому влиянию, которое его основополагающие аспекты оказали на важнейшие движения за национальное и социальное освобождение. Чтобы понять обстоятельства, в которых появилось глубоко анархическое движение сатьяграхи в Индии, нужно сначала рассмотреть объективные местные условия, в которых оно зародилось. Индия – вторая по численности населения страна мира, где живет более 1 млрд. человек. Если обратиться к древнеиндийской мысли, то там можно найти идеи, предвосхищающие концепцию безгосударственного общества; например, сатья-юга описывается как по сути анархическое общество, в котором люди сами управляют собой, основываясь на вселенском законе дхармы (Doctor, 1964, p. 16). Но, несмотря на то, что индуистская политическая мысль допускает возможность безгосударственного общества, она по большей части делает акцент на изначально злой природе человека, а потому на «божественном праве» царей править, пока они защищают людей от зла. Однако, если они правят не на основе дхармы, то «Чанакья-сутра» допускает, что «лучше вообще не иметь царя, чем иметь такого, которому недостает дисциплины» (p. 26). Это, конечно, прямо противоположно западной идее божественного права королей независимо от обстоятельств.

Анархизм в Индии нашел свое первое и наиболее известное выражение в заявлении Махатмы Ганди: «Зло государства – не причина, но следствие социального зла, точно так же как морские волны – не причина, но следствие шторма. Единственный способ излечить болезнь – устранить саму ее причину» (p. 36). Другими словами, Ганди видел корень всех социальных проблем в насилии, а государство – как явное

проявление этого насилия, поскольку его власть основывается на монополии на законное применение насилия. Поэтому он считал, что «то государство совершенно и ненасильственно, где людьми управляют в наименьшей степени. Ближе всего к полнейшей анархии была бы демократия, основанная на ненасилии» (р. 37). Для Ганди процесс достижения такого состояния полного ненасилия (ахимсы) предполагал скорее изменение сердец и умов людей, нежели изменение государства, которое ими правит. Самоуправление (сварадж) – вот основополагающий принцип, который пронизывает всю его теорию сатьяграхи. Он означает, фактически, не достижение политической независимости для индийского национального государства, как его обычно толкуют, но нечто прямо противоположное. Отправной точкой сварадж берет личность, затем идет вовне, на уровень сельской общины, и еще более вовне, на уровень страны; основной принцип свараджа заключается в том, что нравственная автономия личности выше всех прочих соображений (р. 38).

Так что, в общем и целом, страсть Ганди к коллективному освобождению вырастала в первую очередь из всецело анархической идеи индивидуализма; с его точки зрения, единственной поистине легитимной формой правления является совесть индивида. Как он говорил, «сварадж будет нелепостью, если индивиды будут позволять большинству принимать решения за себя». Хотя это откровенно противоречит западным представлениям о правлении, Ганди доказывал, что разумное мнение даже одного человека намного более ценно, чем суждение 99.9% населения, если оно неразумно. Именно этот индивидуализм свараджа также заставил его отвергнуть парламентские методы с их инструментом легитимации – политическими партиями; он считал, что тем, кто по-настоящему стремится к лучшему миру для каждого, не нужно для этого вступать в какую-либо определенную политическую партию. В этом кроется различие между радж-нити (государственной политикой) и лок-нити (народной политикой). Индивидуализм свараджа означает, что все следует продумывать заново: например, идею, что личность существует ради блага сообщества должна уступить место идее, что сообщество существует ради блага личности, и человек всегда должен быть волен оставить его или не согласиться с ним (р. 44).

Однако идеям Ганди о мирном пути к свараджу пришлось столкнуться с оппозицией – даже со стороны тех, кто испытывал влияние анархизма. До 1920-х годов параллельное, более отчетливо анархическое движение в Индии представляли анархо-синдикалисты и деятельный лидер движения за независимость Бхагат Сингх. Сингх испытал влияние различных направлений западного анархизма и коммунизма и стал открытым атеистом в стране, где подобная позиция чрезвычайно непопулярна. Интересно, что он глубоко изучал Бакунина и, хотя проявлял заметно меньший интерес к Марксу, очень интересовался произведениями Ленина и Троцкого, которые «успешно осуществили революцию в своей стране». Поэтому в целом Сингха можно охарактеризовать как своего рода «анархо-лениниста», насколько такой термин вообще имеет право на употребление. В истории индийской политики Сингху сегодня отводят место где-то между пацифизмом Ганди и терроризмом, так как он активно участвовал в создании народных антиколониальных организаций, чтобы с их помощью бороться за освобождение Индии от британского правления. Однако он был также частью той среды, которую имел в виду Ганди, когда говорил о «культе бомбы», – который он, конечно же, объявлял основанным на западных

идеях использования насилия как средства достижения освобождения. Индийские революционеры возражали, что идеи ненасилия Ганди – тоже западного происхождения, идут от Льва Толстого, и потому также не являются подлинно индийскими (Rao, 2002). В самом деле, кажется весьма вероятным, что Сингх испытал влияние западных идей социального изменения: товарищ и наставник Сингха Картар Сингх Сарабха, подобно своему японскому двойнику Котоку Сюсюю, организовал южноазиатских рабочих в Сан-Франциско. Со временем это побудило и учителя, и ученика посвятить свои жизни освобождению по всему миру.

Заметную роль в этой среде играла Индостанская республиканская ассоциация, а также молодежная организация «Науджаван Бхарат Сабха»; Сингх участвовал в обеих из них. Несмотря на свое прежнее нерасположение, к середине 1920-х годов Сингх начал принимать стратегию вооружения широких масс населения Индии, чтобы изгнать из страны британцев. Служа своей миссии, он путешествовал по всей стране, организуя народные ополчения, и по ходу приобретал много последователей. В 1928 году в статье Сингха, опубликованной в газете сторонников независимости «Кир-ти», стратегия организованного вооруженного восстания уступила место открытой поддержке индивидуальных актов мученичества и террора. В других выпусках этой же самой газеты он опубликовал свое знаменитое эссе «Почему я атеист», а также различные статьи по анархизму. В анархических статьях Сингх ставил знак равенства между традиционной индийской идеей «вселенского братства» и анархическим принципом «никаких правителей», подчеркивая главным образом первостепенную важность достижения независимости от любой внешней власти, чьей бы она ни была. Хотя на Сингха повлияли произведения Ленина и Троцкого, он так и не присоединился к Коммунистической партии Индии, хотя прожил после ее основания еще шесть лет (Rao, 2002). Возможно, это было вызвано тем, что его идеи испытали влияние анархизма; в любом случае, в движении за сварадж, как его представляли и Ганди, и Сингх, анархические идеи (если не анархическая идеология в целом) играли главную роль.

Африканский анархизм: игбо, Египет, Ливия, Нигерия и Южная Африка

Ранний африканский анархизм развивался на самых окраинах континента, прежде всего в условиях многонациональных североафриканских и южноафриканских портовых городов. Мы располагаем лишь очень небольшой литературой по этим движениям. Как и в случае Индии, это частично объясняется тем, что здесь анархизм исторически был в меньшей степени представлен как последовательное, идеологическое движение. Но это также частично вызвано господством по всему региону либо капиталистических империалистических национально-государственных систем, либо постколониальных систем «африканского социализма». Крупнейшим анархическим движением на континенте в первой четверти 20-го века было южноафриканское. В самом деле, недавние исследования, проведенные нигерийскими анархистами, такими как Сэм Мба, указывают, что вплоть до середины 20-го века анархическая мысль в форме строгой идеологии по-настоящему не достигла боль-

шей части африканского континента (1997, р. 1). Однако, несмотря на признание отсутствия последовательной, идеологической формы анархизма, на всем протяжении своего исследования эти авторы всячески подчеркиваются анархические социальные элементы, которые можно найти у многих африканских племен. Таким образом, племенной «коммунализм» понимается как не-западная форма анархизма, уникальная и специфическая особенность Африки. В работе нигерийских анархистов говорится буквально следующее: «Все... традиционные африканские общества демонстрировали “анархические элементы” ...идеалы, лежащие в основе анархизма, в африканском контексте могут оказаться не такими уж новыми. Что является новым – так это концепция анархизма как социального движения и идеологии» (р. 26).

Термин «коммунализм» мы используем здесь в значении, отчасти подобном Марксовой концепции «первобытного коммунизма» – безгосударственного общества, которое следовало за обществом охотников-собирателей и предшествовало феодализму, – хотя такие глобальные обобщения не следует принимать слишком серьезно. Ведь большая часть Африки, особенно в сельских районах континента, так и не «превзошла» эту «историческую ступень». В этой связи старейшины в племенных сообществах признаются вождями на основе жизненного опыта, но не в качестве носителей власти с законным правом на применение насилия в какой бы то ни было форме. В качестве средств поддержания внутренней социальной сплоченности выступали религия и мужские возрастные союзы, которые выполняли для деревни специфические задачи, хотя известны примеры и матриархальных безгосударственных обществ (р. 33). В особенности известны своим антиавторитарным, основанным на прямой демократии социальным устройством игбо, люди дельты Нигера, и талленси. Их жизнь была организована главным образом на принципах прямой демократии в виде общих собраний жителей деревни, власть которых уравновешивалась указаниями совета старейшин. Хотя эти общества были преимущественно патриархальными, женщины также играли определенную роль в управлении ими через свои собственные организации (р. 38).

Возникновение так называемого «африканского социализма» связано с колонизацией, индустриализацией и урбанизацией континента. Это началось с Берлинской конференции 1884-1885 годов, на которой европейские государства разделили Африку между собой. В результате безгосударственные общества, которые веками формировались на основе децентрализованного общественного управления, оказались разрезаны искусственными государственными границами. Такая система облегчала выкачивание природных ресурсов на благо европейских элит, разрушая, вытесняя, разделяя и подтачивая безгосударственные общества. Во многих африканских странах во главе антиколониального движения встали «африканские социалисты», такие как Муаммар Каддафи в Ливии, Гамаль Абдель Насер в Египте, и «социалисты негритюда», такие как Сенгор. У большинства из них была одна общая черта: они очень быстро принимали правила игры западного капитала и подчинялись ему. Но, несмотря на то, что такие африканские разновидности социализма в основном следовали марксистской ориентации, приспособлялись к интересам иностранного капитала и руководствовались ими, так было не везде.

После того как в 1960 году Нигерия получила независимость, она ввела на уровне всей страны систему коллективного сельского хозяйства, основанную на синтезе

элементов традиционного африканского коммунизма и израильской системы киббуцев. Более того, можно заметить, что на знаменитую «Зеленую книгу» Каддафи идеи Бакунина оказали не меньшее влияние, чем идеи Маркса. Его концепция джамахирии также довольно близка к той, что лежала в основе нигерийской системы коллективного сельского хозяйства. Но намного более характерна, чем оба упомянутых примера, теория и практика системы уджамаа (Ujamaa) Джулиуса Ньерере. В этой системе, которая в одинаковой мере противопоставляет себя как капитализму, так и «доктринерскому социализму», основой постколониального общества Танзании стала обновленная форма африканского коммунизма. К сожалению, система уджамаа в конце концов потерпела крах в результате быстрого вырождения в государственный контроль над крестьянством под бдительной опекой Всемирного банка (р. 77). Танзания ни в коей мере не была единственной страной на африканском континенте, проделавшей подобную эволюцию, которая, что любопытно, происходила в «социалистических» национальных государствах столь же часто, как и в капиталистических.

Как ранее упоминалось, одной из стран, где в начале 20-го века существовало значительное организованное анархическое движение, была Южная Африка. В конце 19-го века белый африканер по имени Генри Глассе способствовал тому, что анархическое движение в стране впервые заявило о себе. В самом начале следующего столетия в Кейптауне коалиция анархистов и других антигосударственных социалистов основала Социал-демократическую федерацию, после которой ненадолго возникла южноафриканская организация ИРМ. В подобных объединениях того времени бросалось в глаза одно: они состояли почти исключительно из белых в стране, где подавляющее большинство населения не относилось к последним. Большинство высокооплачиваемых, квалифицированных видов работы доставалось белым, в то время как индийцы, «цветные» (люди смешанных рас) и белые бедняки получали «промежуточную» работу, а черным навязывали самые грубые неквалифицированные виды работы (van der Walt, 2002).

Ситуация в конце концов изменилась в 1917 году, когда участники Международной социалистической лиги помогли организовать состоящую главным образом из черных синдикалистскую организацию «Индустриальные рабочие Африки». Хотя на нее оказали сильное влияние ИРМ, она сохраняла ранние прополитические элементы, унаследованные от Де Леона, от которых ИРМ отказались в 1908 году после раскола между синдикалистами и сторонниками Де Леона (Mbah, p. 66). Когда некоторые стали сомневаться в действенности политики участия в выборах, возникла Индустриальная социалистическая лига с отчетливой ориентацией на прямое действие, отвергающее выборы. С 1918 по 1920 годы среди лидеров Африканского национального конгресса было несколько анархо-синдикалистов. Но к 1921 году анархизм первой волны в Южной Африке находился на последнем издыхании, так как его ведущие активисты оставили анархизм, предпочтя посвятить себя строительству Коммунистической партии Южной Африки. Как мы уже показали, во многих странах бывшие анархисты стали влиятельными коммунистическими лидерами. Так было в Китае и так же, как мы скоро увидим, обстояло дело в Бразилии и других латиноамериканских странах.

Как и в Южной Африке, в Северной Африке главную роль в распространении анархических идей играли портовые города, в данном случае средиземноморские. Ярким примером подобной тенденции может служить египетское анархическое движение, ибо анархизм в этой стране был почти исключительно иммигрантским явлением. Еще в 1877 году египетское анархическое движение начало издавать анархический журнал на итальянском языке «Иль Лавораторе», за которым вскоре последовал «Ла Куэстионе Социале». Их первыми читателями стали представители быстро растущей итальянской иммигрантской общины, сосредоточенной главным образом в средиземноморском портовом городе Александрии. Как портовый город, Александрия была довольно разнородной и представляла собой не только средоточие анархической активности, но и место, привлекавшее беженцев-анархистов из средиземноморского региона. В конце 19-го века здесь, после покушения на короля Умберто I, искал убежища Малатеста, сюда же в 1900 году бежал Луиджи Галлеани. Вскоре анархические идеи выйдут за пределы итальянской общины и распространятся среди греческих рабочих-иммигрантов, которые затем организуют в Александрии анархистски ориентированный профсоюз сапожников. Однако не существует в достаточной степени серьезных свидетельств, что анархические идеи хоть в сколько-нибудь значительных масштабах распространялись через иммигрантские общины среди самих египтян (Stiobhard).

Двумя другими странами, где утвердился анархизм, стали Алжир и Тунис. В портовом городе Тунисе на севере Туниса существовало заметное анархическое движение, состоявшее из итальянских иммигрантов, и, как и в Египте, они издавали несколько журналов, в том числе «Л'Операйо» и «Ла Протеста Умана». Последний выпускал широко известный автор брошюр Луиджи Фаббри, который в то время жил в Тунисе. Помимо этого, крупным центром анархической деятельности был портовый город Алжир на севере Алжира, где выходило несколько анархических газет, в том числе L'Action Revolutionnaire, Le Tocsin, Le Libertaire и La Marmite Sociale. Хотя о том периоде имеется мало сведений, есть богатые письменные свидетельства, что после поражения в Гражданской войне в Испании в 1939 году многие анархисты бежали в Алжир, где поселились вокруг портового города Оран (Stiobhard).

Латиноамериканский анархизм: Аргентина, Уругвай, Бразилия, Чили, Мексика и Куба

Анархизм в Латинской Америке развивался под влиянием как специфических условий каждой страны региона, так и ряда факторов, которые были общими для многих из них. Общим моментом для них всех являлось их подчиненное положение согласно доктрине Монро 1823 года, которая помещала «Америки» под опеку одной страны, которая высокомерно именуется себя «Америкой» в единственном числе, – т.е. Соединенных Штатов. В таком качестве западное полушарие, вскоре после достижения независимости от Испании и Португалии, неофициально подверглось быстрой реколонизации – во имя интересов США. Именно в этом контексте подчи-

---

¹ Север (исп.)

ненного положения в Латинской Америке возникли первые анархические движения, которым слишком часто приходилось действовать еще и под железным кулаком диктаторов, поставленных извне – из El Norte^{1*}. Кроме того, нужно учесть, что на государственное управление в Латинской Америке мысль Аристотеля и св. Фомы Аквинского повлияла намного сильнее, чем либерализм, ведущее идеологическое течение в англо-саксонских демократиях (Erickson, 1977, p. 3). Ведущей идеологической установкой в Латинской Америке был корпоративизм, с его точкой зрения на государство скорее как на «органическое» отражение нравственной воли людей, чем как на «посредника» для различных сил в обществе, как в Северной Америке. Ирония заключается в том, что в результате этого большая часть общества обычно рассматривала все оппозиционные силы как по сути враждебные делу освобождения. Идеологический метод корпоративизма включал в себя хитрое сочетание кооптации революционных движений в официальную структуру и жестоких репрессий против тех, кто не отказывался подчиниться подобной логике. Господствующая роль в обществе Римско-католической церкви в сочетании с традициями Римского права представляли собой два других важнейших фактора, которые отделяли латиноамериканские общества от большинства северных. Это означает, конечно, что разновидности анархизма, которые появились в Латинской Америке, были качественно отличны от западных, так как возникли в принципиально иной политической обстановке.

Наиболее сильным в Латинской Америке было, без сомнения, анархическое движение Южной Америки; а в Южной Америке анархизм был, несомненно, наиболее силен в странах «южного треугольника» – Аргентине, Уругвае и Бразилии. В Аргентине анархизм был крупнейшим социальным движением с приблизительно 1885 по приблизительно 1917 год, когда контроль над большинством профсоюзных федераций установили социалисты-государственники (Joll, 1971, p. 218). Движение развивалось в обстановке крайне ожесточенной борьбы, так как в стране господствовала система латифундий, при которой очень небольшое число семей владело почти всей землей. Это чрезвычайное социальное расслоение послужило основой для перонизма – системы, при которой семьи старой элиты без вреда для себя правили массой вновь прибывших иммигрантов в чрезвычайно аристократической манере. Поскольку единственным легальным средством изменить что-то в обществе были выборы, то обстоятельство, что до 70% городского населения было по закону лишено избирательных прав, не внушало многим любви к системе; фактически, это создавало социальную ситуацию, которая благоприятствовала распространению анархизма.

Анархизм пользовался популярностью главным образом среди аргентинского рабочего класса: среди крестьянства организованный анархизм никогда реально не получал широкого распространения. Однако предпринимались некоторые попытки создать, в дополнение к анархическим рабочим союзам, анархические студенческие союзы (Joll, p. 222). Штирнеровский индивидуалистический анархизм никогда не находил в Аргентине много сторонников, и потому, как и во многих других странах по всему миру, движение балансировало между анархо-коммунистами в традиции Кропоткина и анархо-коллективистами в традиции Бакунина; однако два течения очень редко конфликтовали. В 1887 году в Аргентину иммигрировал итальянский анархо-коммунист Эррико Малатеста, и через два года, в 1889 году, он организовал

первый в стране профсоюз булочников. Это помогло подготовить почву для «обществ сопротивления», рабочих организаций в форме групп поддержки, которые послужили основой для ФОА, в 1904 году преобразованной в ФОРА.

С 1905 – 1910 годов анархическое движение переживало взрыв популярности, превратившись в подлинно народное движение и организовав победоносные всеобщие забастовки в Буэнос-Айресе и других местах. Нестабильность в обществе достигла таких размеров, что обычным делом стало введение время от времени военного положения. Рабочих расстреливали на первомайских демонстрациях, других отправляли в заключение на Огненную Землю, а пытки получили повсеместное распространение. Когда Симон Радовицкий, юноша, который бросил бомбу в экипаж главы полиции, получил пожизненный тюремный срок, он быстро превратился в широко известного мученика. Фактически, он был настолько популярен, что со временем решительным товарищам удалось освободить его из тюрьмы (р. 219).

Важным событием была La Semana Tragica – Трагическая неделя в 1919 году, когда объявленная всеобщая забастовка была безжалостно подавлена полковником Варелой, что вскоре привело к убийству последнего. В 1931 году произошел военный переворот, и анархическое движение было подавлено с помощью эскадронов смерти, массовых арестов и всеобщего устрашения. Когда почти через два года военное положение было, наконец, снято, все анархические газеты и организации, которые прежде не ладили друг с другом, распрощались с прошлым и выпустили совместное заявление под названием «Восемнадцать месяцев военного террора». Жестокие репрессии в Аргентине имели результатом огромный всплеск солидарности и взаимопомощи между различными категориями анархистов, что вело к совместным публикациям и акциям, в которых преодолевались идеологические различия. Именно благодаря этой солидарности во время Гражданской войны в Испании и ФОРА, и другие анархические организации отправили своих представителей в Интернациональный бригады, чтобы сражаться против Франко. Но вскоре Аргентине пришлось бороться против своего собственного фашистского правительства. Генерал Перон, официально пришедший к власти в 1943 году, вынудил ФОРА, вместе с «Ла Протеста Умана», вновь уйти в подполье. Когда режим Перона в конце концов пал, все анархические тенденции выпустили другую совместную публикацию под названием «Агитасьон». Другие публикации включали «Эль Дескамисадо», «Ла Баталья» и «Ла Протеста Умана» – газету, с которой были связаны Макс Неттлау и Эррико Малатеста. Перед лицом таких репрессий значительная часть населения приняла проводимый режимом курс на встраивание народных движений в перонистское государство; те, кто не согласился на это, часто указывали на большевистскую революцию в России как на доказательство того, что анархизм больше не является жизнеспособной идеей. Последующее поражение в Гражданской войне в Испании также не способствовало улучшению дел, и постепенно анархизм потерял сколько-нибудь значительное влияние (р. 230).

Как и в Аргентине, в Уругвае анархическое движение состояло главным образом из европейских рабочих-иммигрантов, которые приехали из индустриализированных обществ. Это означало, что в ранние годы анархизм был в первую очередь движением рабочего класса, а не крестьян. Здесь также в первой четверти 20-го века он был крупнейшим революционным движением. Движение опиралось главным образом

на основанные на группах поддержки «общества сопротивления», являвшиеся филиалами ФОРУ, образованной в 1905 году. Вскоре в работу ФОРУ также включился Малатеста. Он повлиял на сдвиг организации от бакунинского коллективистского анархизма к коммунистическому анархизму Кропоткина. ФОРУ занималась широким кругом вопросов, далеко выходящих за рамки интересов обычных профсоюзов. Например, она развернула широкую кампанию против алкоголизма, а также основывала кооперативные школы и библиотеки. Эти инициативы стали возможны главным образом благодаря вниманию, которое анархисты уделяли созданию параллельной анархической культуры. Хотя многие из подобных инициатив исходили от ФОРУ, большую часть анархистской культурной работы, включая театральные постановки, поэтические вечера и другие культурные события того времени, организовывали люди, связанные с Центром международных социальных исследований (СИЭС) в Монтевидео (р. 224). СИЭС также активно участвовал в издании анархической периодики, в том числе таких публикаций, как «Ла Баталья» – возможно, получившей название по более ранней одноименной аргентинской газете, – которая выходила непрерывно в течение пятнадцати лет.

Активные во многих сферах, к которым другие анархические движения не проявляли интереса, уругвайские анархисты также придерживались крайнего интернационализма; кто-то скажет, что даже слишком крайнего. Когда в 1910 году Мексиканская революция стала событием мирового масштаба, уругвайское анархическое движение отправило своих представителей на помощь сторонникам Магона; подобным же образом в разгар Гражданской войны в Испании оно помогло НКТ-ФАИ, отправив бойцов в интернациональные бригады (р. 226). Причинами последующего упадка анархизма в Уругвае стали главным образом успешная большевистская революция в России и острые идеологические расколы на почве лояльности, которые в результате возникли в движении между ФОРУ и УСУ.

Последнее анархическое движение, которое мы рассмотрим, – это движение, которое развивалось в пределах обширного национального государства Бразилия. В условиях бразильских латифундий, корпоративизма и авторитаризма, где крупные землевладельцы, опираясь на поддержку военных и государства, оказывали громадное влияние на судьбу огромного большинства населения, единственной легальной формой организации были общества взаимопомощи и кооперативы. Но, как и в Аргентине и Уругвае, «лиги сопротивления», основанные на нелегальных группах поддержки, образовали стеновой хребет боевого бразильского юнионизма, предохраняя анархистов от репрессий. Однако этот анархический юнионизм ограничивался главным образом квалифицированными ремесленниками, большая же часть трудящихся, в т. ч. иммигранты и женщины, оставались вне рамок рабочих союзов.

Как и в Китае и Южной Африке, Бразильская коммунистическая партия, БКП, выросла на развалинах недолговечного анархического движения (Chilcote, p. 11, 1974). Однако с 1906 по 1920 годы анархизм в Бразилии пользовался огромнейшим влиянием, в основном среди городских рабочих-иммигрантов. Именно в этой среде он стал к 1906 году преобладающим течением в рабочем движении, фактически, намного более значимым, чем государственнический социализм (р. 19). Анархические рабочие активисты, действовавшие в Congresso Operario do Brasil (КОБ), вошли в историю тем,

что помогли бразильскому рабочему классу добиться восьмичасового рабочего дня, а также значительного увеличения зарплаты для всех без исключения категорий трудящихся. Всеобщая стачка 1917 года в Сан-Паулу знаменовала собой первое из трех лет активной борьбы анархистов, действовавших в рамках рабочего движения. В течение этих лет стратегией корпоративного государства было сочетание репрессий с кооптацией. Первоначальный призыв к всеобщей забастовке исходил не от анархистов – скорее, ее начали массы работниц текстильной промышленности, которых анархические организаторы как раз игнорировали. Первоначально эта самоорганизованная деятельность работниц и других секций промышленного пролетариата побудила анархических лидеров-мужчин занять оборонительную позицию. Но в конечном итоге анархисты признали женское лидерство и предпочли работу с ними, а не против них (Wolfe, 1993, p. 25).

Упадок анархического движения в Бразилии был вызван разными причинами; одна из них заключалась в том, что оно часто оказывалось неспособно в должной мере донести свои идеи до сельского большинства населения. Другой причиной был успех большевистской революции в России, который повлек за собой начало конца идеологической гегемонии анархистов. Как и в Аргентине и Уругвае, анархическое движение раскололась на два равных лагеря: пробольшевистский и антибольшевистский. В результате этого раскола многие из наиболее активных анархистов вскоре пошли дальше и с головой погрузились в деятельность КПБ. Партия избегала тех, кто не поступил так, а со временем, посредством внутренних чисток, избавилась от тех, кто сохранил какие-то симпатии к анархизму (p. 33). Последним гвоздем в гроб бразильского анархизма стала революция 1930 года, которая положила начало новой эры бюрократической, патерналистской, кооптационной системы «корпоративизма».

В то время как анархизм в «южном треугольнике» воздействовал на мировое движение лишь в некоторой степени, анархическое движение, которое возникло в Мексике, оказало величайшее влияние на общую направленность анархизма по всей Латинской Америке, а также в большей части остального мира. Оно зародилось в 1862 году, когда профессор философии греческого происхождения из Мехико по имени Плотино Родаканати (Plotino Rhodakanaty) создал первую в стране анархическую организацию – объединение студентов и преподавателей под названием Club Socialista de Estudiantes (КСЭ). КСЭ распространял свои идеи, организуя анархические рабочие союзы среди городских рабочих; вскоре это привело к первой в истории Мексики забастовке. Анархисты вели работу среди индейского населения на юге страны, и со временем возникла новая организация под названием La Social, ведущую роль в которой играли активисты Парижской коммуны в изгнании. В период наибольшего подъема организация насчитывала 62 отделения по всей стране (p. 9). В конце концов за всю эту масштабную деятельность Родаканати и многие его товарищи были казнены Порфирио Диасом.

Как и повсюду в Латинской Америке, постколониальный период в Мексике был отмечен чередой диктатур, которая в конце концов завершилась большой социальной революцией в 1910 году. В ходе этой революции дело мексиканских рабочих и крестьян отстаивали заключившие между собой временный союз Рикардо Флорес Магон, Эмилиано Сапата, Панчо Вилья и Паскаль Ороско. Среди них с наибольшим

правом можно охарактеризовать как анархиста Магона; вместе со своим братом Энрике он, начиная с 1900 года, издавал популярную анархическую газету «Регенерасьон». Происходя из индейцев-сапотек, оба брата были движимы прежде всего решимостью обеспечить автономию индейскому населению, какое бы социальное устройство ни возникло в результате революции (Poole, 1977, p. 5). К 1905 году они организовали анархо-коммунистически ориентированную Мексиканскую либеральную партию (МЛП); ей было дано такое название, чтобы не отталкивать людей, в то время как ее требования оставались вполне анархическими. Эта стратегия хорошо зарекомендовала себя, приведя со временем к двум вооруженным восстаниям, в которых приняли участие члены ИРМ, а также анархисты из Италии (p. 22).

С помощью МЛП активисты свободно пересекали границы, оседая в Лос-Анджелесе, Сан-Антонио и Сент-Луисе, различных городах в Канаде, равно как в бесчисленных городах по всей Мексике. Благодаря этому в формировании анархического крыла мексиканских революционеров участвовала широкая сеть анархистов со всего мира. Тем не менее, взаимоотношения не всегда были здоровыми: однажды Магону даже пришлось написать гневное антирасистское эссе в ответ на заявление Юджина Дебса, что мексиканцы «слишком невежественны, чтобы бороться за свободу», и что они никогда не воспользуются шансом восстать (p. 88). Эссе призывало североамериканских анархистов воспринимать МЛП всерьез: «По всему миру латинские народы не жалеют ни времени, ни денег на то, что они сразу же признают общим делом. Мы не сомневаемся, что великие англо-саксонские и тевтонские ветви армии труда не будут плестись в хвосте; мы не сомневаемся, что единственная причина временного промедления – невежество, вызванное языковыми трудностями» (p. 90). Затем, в 1910 году, Франсиско Мадеро обнародовал свой «Plan de San Luis Potosi», который призывал к началу восстания 20 ноября того же года; восстание быстро распространялось по стране, пока не охватило всю ее территорию. Во главе восстания стояли Магон, Сапата, Вилья и Ороско.

В разгар восстания состоялись одни из немногих в истории Мексики честных выборов, которые легко выиграл Мадеро. Однако еще до выборов Магон, Сапата и их сторонники резко разошлись с Мадеро по вопросу земельной реформы и индейской автономии. В результате они обнародовали свой собственный «Plan de Alaya». Сапатисты и магонисты, связанные общим происхождением из племен Южной Мексики, совместно взялись за оружие и через несколько лет успешно осадили Мехико. Революция продолжала развиваться на фоне диктатуры Уэрты, затем, когда Уэрта подал в отставку, и в 1917 году президентом стал Венустиано Карранса, вступила в силу мексиканская конституция. Благодаря влиянию Сапаты и Магона, в нее вошло много чрезвычайно прогрессивных положений, таких как право на бесплатное образование, право индейцев на общинное владение землей (ejidos) и другие социальные и земельные реформы. К несчастью, Карранса использовал разногласия между анархо-синдикалистами и анархо-коммунистами и успешно подкупил анархо-синдикалистский «Дом рабочих мира», который организовал «красные батальоны» для борьбы против Сапаты и Вильи. В 1919 году мексиканский полковник Хесус Гуахардо заманил в засаду и убил Сапату, избавив режим Каррансы от его самого близкого к народу врага. Но в один прекрасный день Карранса был свергнут, к власти пришли Обрегон, Кальес и длинный ряд других центристов, выступавших против

господства духовенства, но поддерживавших иностранные инвестиции в Мексику; эти годы знаменовали начало диктатуры ИРП и конец мексиканского анархизма первой волны.

Кубинский анархизм возник в середине XIX в. вследствие рано проявившегося интеллектуального влияния на рабочее движение прудоновского мутуализма. К концу столетия анархизм на Кубе достиг высокой степени зрелости: появился анархический лидер Роиг Сан-Мартин – он издавал газету «Эль Продуктор», возникла анархическая организация в масштабах всей страны под названием «Рабочий альянс» (Fernandez, 2001, p. 20). Однако, подобно китайскому, индийскому и мексиканскому, кубинский анархизм невозможно правильно понять исключительно в рамках кубинского национального государства; много важной работы велось в кубинских иммигрантских сообществах в Ки-Уэсте, Мериде (Мексика), а также в Тампе. Фактически, всеобщая стачка, разразившаяся в 1889 году в Ки-Уэсте, встретила солидарную поддержку кубинских рабочих в Гаване, Тампе и Ибор-Сити. Когда всего за несколько месяцев до этой стачки от диабетической комы умер Сан-Мартин, на его похоронах собралось более 10 тысяч кубинцев со всего острова.

На рубеже 19-20-го веков главным источником разногласий внутри кубинского анархического движения стало отношение к борьбе за независимость Кубы; рабочие анархисты обвиняли сторонников независимости в том, что те «получают деньги от табачного капитализма» (p. 30). Однако со временем большинство анархистов сплотилось вокруг Хосе Марти и его Кубинскую революционную партию (КРП), которая, в своей поддержке демократии и децентрализации, была подобна мексиканской МЛП. В Европе анархисты, такие как Элизе Реклю, помогали создавать международные организации солидарности для поддержки движения за независимость. Но вскоре после обретения независимости остров оккупировали Соединенные Штаты; Эррико Малатеста решил переехать из Нью-Джерси в Гавану, чтобы помогать местному анархическому движению. Глубокое влияние на кубинское анархическое движение оказала Мексиканская революция, и братья Магоны не раз появлялись на Кубе и на страницах «Регенерасьон», и лично. Но после Октябрьской революции в России кубинское анархическое движение резко пришло в упадок (p. 51). Следует, однако, помнить, что именно анархисты проложили дорогу на Кубу и для профсоюзного движения, и для социалистической революции, которая случилась позже.

Анархизм на Среднем Востоке: Армения, Ливан, Турция, Палестина

В свете как исторических, так и недавних событий легко понять, что Средний Восток играл и продолжает играть первостепенную роль во многих процессах, происходящих по всему миру. Как и в Африке, первая волна анархизма в этом регионе затронула главным образом его окраины; например, армянские анархисты, вследствие своей широко распространенной пропагандистской активности, уже к концу XIX в. привлекли к себе пристальное внимание властей Оттоманской империи. Среди армянских анархистов наиболее заметен на международной арене был Александр Атабекян, который поддерживал самые активные контакты с международным анар-

хическим движением. Еще учась в Женеве, он подружился с Петром Кропоткиным, Элизе Реклю и Жаном Гравом. Особенно глубокая дружба связывала его с Кропоткиным. Фактически, именно он был рядом с Кропоткиным у его смертного одра и позже участвовал в организации знаменитой траурной процессии по улицам Москвы. Атабекян перевел на армянский язык несколько анархических работ и издавал и распространял анархический журнал под названием «Содружество» (Амайнк), который выходил также на персидском языке.

Атабекян предпринял серьезную попытку приспособить анархический подход к политической ситуации на Среднем Востоке. Во всех его работах ясно прослеживается неприятие как владычества Османской империи над Арменией, так и европейского вмешательства и господства над регионом в целом. Со временем главной выразительницей подобных идей стала Армянская революционная федерация (Дашнакцутюн), которая представляла собой коалицию анархистов, националистов и социалистов. В числе прочей деятельности, организация публиковала и распространяла по всей Армении различные анархические брошюры. Хотя манифест Дашнакцутюна был целиком и полностью выдержан в духе русских нигилистов, как представляется, в последующие годы анархизм дашнаков был в значительной степени вытеснен марксизмом-ленинизмом. Однако, в то время как марксизм-ленинизм набирал популярность в Армении, анархические идеалы завоевывали популярность среди армянских иммигрантов в государствах Запада, о чем свидетельствует ряд анархических журналов, примерно в это же время издававшихся на армянском языке в Соединенных Штатах (Stiobhard).

Известно, что Малатеста, помимо Армении, провел определенное время в анархических сообществах портовых городов Бейрут (Ливан) и Измир (Турция) (Stiobhard). Однако о характере этих сообществ и о том, насколько они преуспели в продвижении анархических идей среди местных жителей, не являющихся иммигрантами, известно очень мало. Как мы уже видели в случае Александрии и Туниса, население средиземноморских портовых городов часто было очень разнородным, и вполне возможно, что эти анархические сообщества состояли преимущественно из итальянских рабочих-иммигрантов. Но мы до сих пор не обсудили еще одну страну, где также был представлен анархизм. Это Палестина/Израиль.

До создания израильского государства, в первой четверти 20 века, анархическое движение уже пустило корни среди палестинцев и евреев, которые сопротивлялись созданию еврейского государства и вместо этого выступали за безгосударственное плюралистическое общество прямой демократии и для евреев, и для арабов. Анархические секции «коммунитарного» движения, которые получили поддержку видных еврейских анархистов, таких как Густав Ландауэр и Рудольф Роккер (sic! – А. В.), сформировали основу раннего кибуцного движения в Палестине. Согласно Ноаму Хомскому, именно это изначально подразумевалось под термином «сионизм». Первые сионисты-коммунитаристы выступали против создания государства, потому что оно «неизбежно повлечет за собой скорее раздел территории и маргинализацию, на основе религии, значительной части ее бедного и угнетенного населения, чем его объединение на основе социалистических принципов» (Barsky, 1997, p. 48). Одним из самых выдающихся анархо-коммунитаристов того времени был Иосиф Трумпельдор. Он побудил членов первых кибуцев обратиться к анархо-коммунистическим идеям

Петра Кропоткина. В 1923 году «Взаимопомощь» Кропоткина стала одной из первых книг, переведенных на иврит, и распространялась по всей Палестине. Эти первоначальные усилия таких активистов, как Трумпельдор, заложившие основу анархизма в данном регионе, оказали решающее влияние на мысль Ицхака Табенкина, лидера изначального кибуцного движения «Хамеухад». Анархо-коммунитаристская газета «Проблемен» была единственным международным анархическим периодическим изданием, выходившем и на идише, и на иврите, а также одним из очень немногих голосов, до создания израильского государства призывавших к мирному сосуществованию евреев и арабов на общинных началах. Это движение начало затухать после 1925 года, когда возникло движение за создание государства Израиль, оформившееся в партию (Oved, 2000, p. 45).

Заключение: значение описанного выше для новой волны анархизма в XXI веке

Через всю эту работу мы проводили мысль, что одним из основополагающих факторов в развитии анархических идей и движений была глобальная миграция людей, которая, конечно же, явилась результатом развития капиталистической и империалистической миросистемы. Мы показали, что глобальные анархические сети, связывавшие Сан-Франциско, Токио и Париж, сыграли главнейшую роль в развитии как анархо-синдикализма, так и «чистого анархизма» по всей Восточной Азии. Если говорить о Южной Азии, то мы знаем, что Ганди впервые включился в борьбу против британского правления, которой посвятил всю оставшуюся жизнь, когда жил в Южной Африке; именно на это время пришелся расцвет анархо-синдикалистских «Индустриальных рабочих Африки». Импульс развитию африканского анархизма, и в Южной Африке, и в средиземноморских портовых городах Северной Африки, первоначально дали европейские рабочие-иммигранты. То, что небольшое анархическое движение существовало на Среднем Востоке – заслуга, главным образом, итальянских рабочих-иммигрантов, которые восприняли анархические идеи, преимущественно находясь в рамках своей общины. Особенно важную роль миграции людей играли по всей Латинской Америке. Самым наглядным примером тут может служить Малатеста, который жил и вел агитацию в Бразилии, Уругвае, Аргентине, Мексике и на Кубе.

Далее мы показали, что в условиях не-западных стран анархизм первой волны возник одновременно и как часть модернизационного «пакета», и как реакция на него. Ирония в том, что он снабдил зависимые страны «современным» оружием для борьбы с современностью и самой вестернизацией. Подобная же диалектика присутствует и в анархизме второй и третьей волны, оба из которых развились главным образом из всемирных контркультурных движений, соответственно, конца 1960-х и конца 1990-х годов. В 1960-е Соединенные Штаты были озабочены достижением статуса единственной сверхдержавы на планете; жестокие интервенции в Юго-Восточной Азии и ряде других регионов планеты показывают, как важна была в то время для Соединенных Штатов эта цель. Тем не менее, одних военных интервенций для утверждения этой роли было недостаточно. Поэтому центральным пунктом

этой стратегии стало продвижение американской культуры как универсальной – что также можно понимать как активизацию «спектакля». Как и во времена первой волны, к обществу спектакля оказалось ненамеренно подмешано и противоядие от него: контркультура спектакля. Эта контркультура возникла как неотъемлемая часть более широкой волны культуры спектакля; но, так же как и при наступлении современности, она была воспринята как реакция против него. Например, в странах Среднего Востока, таких как Израиль, анархические организации, вроде «Черного фронта», выросли из молодежной контркультуры и издавали журналы, такие как *Freaky*. Хотя внешне эти журналы были частью общей культуры спектакля *Rox Americana*, они также принадлежали к числу очень немногих изданий в стране, которые активно выступали против войн, в частности, против Войны Судного дня (*Do or Die*, 1999).

Анархизм третьей волны также в значительной вырос из определенной культуры; он начала вызревать в конце 80-х вместе со всемирной независимой контркультурой панка, основанной на сетевом принципе. В отличие от анархизма второй волны, эта контркультура высоко ценила независимость от корпораций, по крайней мере постольку, поскольку это было в духе интернационализма и помогало выстроить независимые сети между панками, группами, зинами и местными сценами по всему миру. Небольшие самиздатовские фэнзины стали площадками для обмена идеями. Они были тесно связаны с независимыми звукозаписывающими студиями, музыкальными магазинами и дистрибьюторскими сетями. В таких странах, как Бразилия, Израиль и Южная Африка контркультура панка способствовала воссозданию анархического движения. В то время как вторжение *Rox Americana* приносило Макдоналдсы почти в каждый город планеты, оно также приносило – через свои каналы дистрибуции, культурные журналы и неустанное продвижения английского в качестве международного языка, – музыку анархо-панк-групп, таких как *Crass*, *Conflict* и другие, чьи записи попадали в местные музыкальные магазины. Война в заливе 1991 года впервые предоставила реальную возможность применить эти идеалы на практике путем организации массовых демонстраций и акций прямого действия по всему миру. Уже на следующий год за ними последовали акции, приуроченные к 500-летней годовщине начала европейской колонизации Америк. А еще через несколько месяцев произошли бунты в Лос-Анджелесе; эти события эхом отозвались во многих местах на американском континенте и по всему миру, и анархо-панки начали больше участвовать в непосредственном социальном активизме и стали более организованными. Это означало не только политизацию панка, но и следующую с этим рука об руку «панкизацию» радикального активизма, равно как и противопоставление их друг другу.

Сапатистское восстание в январе 1994 года укрепило эту тенденцию. Именно тогда образовались децентрализованные, основанные на Интернете сети поддержки, которые охватили весь земной шар. Без них преимущественно ненасильственное движение за автономию в южной Мексике едва ли достигло бы успеха. К концу 1990-х годов многие анархо-панки изменили свои культурные предпочтения и стали в большей степени ассоциировать себя с собственно активизмом и анархизмом, чем с независимой контркультурой панка, которая по большей части умирала. Многие ушли в сапатистскую борьбу, путешествовали в Чьяпас и работали в качестве

международных наблюдателей или участвовали в Международных встречах, проводившихся в Мексике и Испании. Новая антиполитическая традиция сапатизма, с ее отрицанием универсальности и социализма, и анархизма, оказала значительное влияние на анархистов по всему земному шару. Ко времени восстания против ВТО в Сиэтле в 1999 году многие анархисты уже приняли пост-западную анархическую парадигму, отказавшись от ярлыка «анархистов» как таковых, но, тем не менее, полностью разделяя основополагающие анархические идеи. Многие стали предпочитать называть себя «автономистами», а не собственно «анархистами». Реальное изменение, которое принес этот сдвиг, состояло в том, что движение вышло за пределы контркультурного сопротивления, которое послужило эмбриональной стадией в достижении «нового анархизма». Этот последний можно охарактеризовать как «постгегемонистский» или, как некоторые его называют, «пост-западный».

В заключение я хотел бы дать краткую оценку синтезу социальных структур, образованных анархизмом первой волны, и формами, возникшими в результате подъема анархизма второй и третьей волны как реакция на «общества спектакля» среди не-западных анархистов. Несмотря на широко распространенное отрицание почти всего анархизма с начала XX века как монолитного «классического анархизма», и потому бесполезного и устаревшего в контексте текущей третьей волны анархизма, это исследование раннего не-западного анархизма показывает, что в то время анархизм, фактически, был не менее идеологически разнообразен, чем он является сейчас, в начале 21-го века. Например, японский «чистый анархизм» во многих отношениях превзошел современный зеленый анархизм, элементы которого присутствуют в анархических течениях в рамках и глубинной экологии, и социальной экологии. В самом деле, Джон Крамп указывает на примечательное сходство с «чистым анархизмом» идеей Букчина о балансе между экономическим самообеспечением и обменом между общинами (р. 203). Ранний японский анархизм также помог подготовить почву, на которой выросла Дзенгакурэн, – боевая студенческая организация, удостоившаяся похвалы от ситуационистов за то, что сумела объединить студенческую и рабочую борьбу. Анархическое движение в Китае своей сосредоточенностью на вопросах культуры превзошло Культурную революцию Мао, но даже в еще большей степени – демократическое движение 1980-х, и, возможно, в какой-то мере вдохновило выступления на площади Тяньаньмэнь. Не вызывает сомнения, что даже в наше время переоценка социалистической истории Китая происходит на фоне возрождения интереса к анархизму в стране. Раннее корейское анархическое движение рассматривают как предтечу Восстания в Кванджу в 1980 году. Как отмечает Джордж Катсификас: «Подобно Парижской коммуне, люди в Кванджу спонтанно подняли восстание, и управляли собой, пока не были жестоко подавлены южнокорейскими войсками при содействии иностранной державы» (2001). Этой «иностранной державой» были, как можно догадаться, Соединенные Штаты. В Индии анархическое влияние, ощущавшееся в движении сатьяграхи Ганди, проявилось в 1960-е годы в движении сарвадаи Винобы Бхаве и Нараяна, и его также можно заметить в некоторых более близких к нам по времени движениях.

Давняя анархическая традиция в Аргентине в 1960-е годы пережила возрождение в студенческом движении. В Уругвае раскол между ФОРУ и УСУ после большевистской революции в России привел к тому, что вплоть до 1960-х анархизм не мог вновь

получить сколько-нибудь значительную поддержку. Однако приблизительно в тот же период он опирался в основном не на рабочее движение. Скорее, он черпал сторонников в студенческом движении. Это явилось результатом образования в 1956 году Уругвайской анархической федерации (УАФ). Некоторые из тех, кто первоначально был связан с УАФ, а со временем склонился к более жестким марксистским тенденциям, и впоследствии создавали анархически ориентированные студенческие организации. Позже эти активисты внесли свой вклад в создание Центра народного действия (ЦНД), целью которого было привлечь к антиавторитарной борьбе более широкие слои населения, не навешивая идеологического ярлыка анархизма. Эта тенденция отходила от идеологического универсализма в пользу более субъективного плюралистического подхода, или «панархии» – последняя будет все больше превосходить собой направление, в котором антиавторитарное движение по всему миру пойдет на заре 21 века. В одной из брошюр ЦНД утверждалось: «Вместо лицемерного “единства” мы предоставляем каждому открытую арену, чтобы они могли делать то, что сочтут необходимым... пусть обозначатся позиции, и каждый действует своим собственным путем» (р. 232). Еще одним изменением, произошедшим в 1960-е годы, стал приход анархистов в иные секторы, нежели рабочий класс, такие как крестьянское движение. Все анархические – поистине, все левые группы, приложили руку к созданию Движения за землю (ДЗ). Таким образом, между рабочим и крестьянским движениями впервые образовался союз. К сожалению, эти новые тенденции в конечном итоге не получили продолжения из-за длинной череды военных диктатур, призванных обслуживать корпоративные интересы США.

Но лишь недавно, после декабря 2001 года, эти идеи подверглись серьезному испытанию после падения неолиберального режима де ла Руа (в Аргентине – перев.). Сначала правительство разрушило жизни миллионов людей по всей стране, приняв ряд последовательных строгих мер, продиктованных МВФ и Всемирным банком. В добавок к тому, что государственные служащие месяцами напролет не получали зарплату, многим рабочим позволялось снимать лишь ограниченное количество денег с их банковских счетов. А затем правительство лишило людей и права на свободный протест, объявив осадное положение, – это и стало последней каплей, переполнившей чашу терпения народа. Именно на этой стадии движение повернулось в сторону радикализма, требуя, чтобы все политики убирались вон, а не просто призывая заменить действующих чиновников «более приемлемыми». Также именно на этой стадии люди начали брать власть в собственные руки, создавая самоуправляемые, имеющие горизонтальную структуру соседские собрания, а также сети таких собраний на уровне городов, регионов и всей страны. Всякий раз, когда какая-нибудь идеологическая группировка пыталась поставить собрания под свой контроль, ее представителям просто говорили, что никто не желает следовать их идеологии – люди просто хотят сами управлять своей страной (Federacion Libertaria Argentina).

На Среднем Востоке анархизм сейчас на подъеме, особенно в тех странах, где еще в начале XX века возникли относительно небольшие движения, преимущественно среди иммигрантов. С 1980-х годов с помощью итальянских анархических сообществ в турецких и ливанских портовых городах анархические идеи получили распространение среди местного населения, часто при посредстве панк-культуры. Например, с середины 1990-х годов ливанская группа под названием «Либертарно-

коммунистическая альтернатива» (Аль-Бадиль аль-Тахарури) посылает делегатов на международные встречи анархистов, а также составляет отчеты о местном анархическом движении и переводит анархические работы на арабский. Примерно с того же самого периода анархизм стал признанной политической силой в Турции, что ознаменовалось появлением анархических колонн на первомайских демонстрациях и, так же, как и в случае с Ливаном, присутствием местных анархистов на международных анархических встречах. Через итальянских и греческих иммигрантов-анархистов в средиземноморском регионе анархические идеи распространились в североафриканских странах Тунисе и Египте, главным образом в портовых городах. Хотя сейчас ясно, что их деятельность не оказала большого влияния на местное население, в середине 1960-х годов, как представляется, по крайней мере некоторые тунисцы были открыты анархическим идеям. В 1966 году тунисский ситуационист по имени Мустафа Хайати, в то время учившийся в Париже, стал одним из авторов этапного текста «О нищете студенческой жизни». На конференции Ситуационистского интернационала в 1958 году присутствовал представитель его алжирской секции Абдельгафид Хатиб.

Африканский анархизм вырос как из анархизма первой волны, так и из традиционного общества. В Нигерии общинный характер определенных традиционных племенных обществ создал социальную среду, которая способствовала преобразованию в 1990 году некогда марксистской «Лиги сознания» в анархо-синдикалистское отделение Международной ассоциации трудящихся, насчитывающее примерно тысячу участников. Лига базируется преимущественно на юге страны. Помимо местного коммунизма, возникновению «Лиги сознания» значительно способствовал упадок марксизма. Интересно, что участники «Лиги сознания» проявляют интерес не только к анархо-синдикализму МАТ, но и к более новому экологическому анархизму в духе и Мюррея Букчина, и Грэхема Перчейса. Предшественницей «Лиги сознания» была анархическая коалиция 80-х годов, носившая название «Топор» (Mbah, p. 52). Как утверждается, в 1997 году в Сьерра-Леоне, в разгар великих социальных потрясений, более 3200 рабочих присоединилось к ИРМ. Об этом сообщал представитель местных ИРМ Брайт Чикезе (Bright Chikezie), который установил контакт с британским участником ИРМ Кевином Брандштаттером (Brandstatter). Последовавший позже в том же году военный переворот вынудил этих членов ИРМ в массовом порядке бежать в соседнюю Гвинею, где Брайт немедленно предпринял попытку организовать в союз местных рабочих-металлистов. После того как он Брайт переселился в Гвинею, туда приезжал генеральный секретарь-казначей ИРМ, чтобы встретиться с ним и обсудить ситуацию (Brandstatter, 1997).

Сильное анархическое движение в Южной Африке в начале XX века также способствовало распространению анархизма в наше время. Здесь анархические идеи распространяются через независимые средства массовой информации, анархические книжные магазины и другие инициативы. Примерами тому могут служить «Коллектив Бикиша Медиа» (Bikisha Media Collective), а также южноафриканская Федерация рабочей солидарности. Многие участники этих объединений – это белые и индийцы, представители городской панк-сцены, которые пожелали осуществить свои идеи на практике. Это возрождение достигло наивысшей точки в 1986 году, когда произошла крупнейшая в истории страны всеобщая забастовка, в которой

приняло участие 1.5 млн рабочих и студентов, требуя признания 1 Мая официальным выходным (Mbah, p. 64). Вообще, по всей Африке капитализм все более и более демонстрирует свою негодность; этот упадок привел к тому, что «африканский социализм» в значительной степени тоже потерпел крах. Помимо кризиса капитализма и социализма, постколониальной системе национальных государств все больше грозит перспектива рухнуть под давлением снизу; безгосударственные общества, над которыми они встали, чтобы обслуживать империализм и капитализм, не могут функционировать в рамках такого чужеродного тела. В самом деле, Мба совершенно ясно утверждает, что этническое насилие и бунты, которые можно наблюдать по всему континенту, означают «начало краха современной системы национальных государств». «Появление в этот период хаоса нового разгневанного поколения, – продолжает он, – важный фактор в определении того, как и в каком направлении разрешится нынешний кризис» (p. 104). В такой ситуации наступило время для (нового) открытия анархизма – децентрализованного, демократического, самоуправляемого по своей природе, в сочетании с исконной африканской системой самостоятельных, тем не менее связанных между собой безгосударственных обществ.

В конечном итоге наша работа может оказаться не столь уж актуальной для будущих социальных движений, но она может и просто помогать «сохранить карты, что показывают дороги, которые мы не выбрали», по выражению Эдварда Кребса (1998, p. xiii). Представители академической науки часто склонны рассматривать все свои разработки как нечто новое и не имеющее аналогов в прошлом; я полагаю, эта работа показывает, что, в то время как сейчас внутри анархизма существует несколько новых течений, многим из них предшествовали иные направления, которые оказались не востребованы или были благополучно забыты при создании того, что стало феноменом западного анархизма. Вместе с другими, более специальными исследованиями не-западного анархизма, предпринятыми в недавнем прошлом, я говорю: «Пусть начнется деконструкция». Мы пока не знаем, куда в конце концов приведет нас этот путь. Но можно с уверенностью сказать, что в результате наше видение анархизма как силы, противостоящей господству, будет несравнимо более целостным, универсальным и связанным с истоками анархической идеи, чем то, что развилось за последние несколько десятилетий в традиции западного анархизма.

Библиография:

- Baku, H. (2001) *Anarchism in Turkey*
Brandstatter, K. (1997) *Update on the Sierra Leone IWW*
Chilcote, R. (1974) *The Brazilian Communist Party: Conflict and Integration 1922-1972*
New York: Oxford University Press
Dirlik, A. (1997) *Dimensions of Chinese Anarchism: An Interview With Arif Dirlik*
Dirlik, A. (1991) *Anarchism in the Chinese Revolution* Berkeley: University of California Press
Do or Die (1999) *Direct Action In Israel*
Erickson, K. (1977) *The Brazilian Corporative State and Working-Class Politics* Berkeley: University of California Press

- Federacion Libertaria Argentina (2002) *Argentina: Between Poverty and Protest* [Leaflet]
- Held, D. (1980) *Introduction to Critical Theory*. Berkeley: University of California Press
- Joll, J. (1970) *Anarchism Today* New York: Anchor Books
- Katsiaficas, G (2001) *Myth and Implications of the Kwangju People's Uprising*
- Katsiaficas, G. (1987) *The Imagination of the New Left: A Global Analysis of 1968* Boston: South End Press
- Poole, D. (1977) *Land and Liberty: Anarchist Influences in the Mexican Revolution — Ricardo Flores Magon* Montreal: Black Rose Books
- MacSimion (1991) *The Korean Anarchist Movement* [Lecture in Dublin, Ireland]
- Meltzer, A. (1998) *The Floodgates of Anarchy*
- Munck, R. (1987) *Argentina; From Anarchism to Peronism; Workers, Union and Politics 1855-1985* London: Zed Books
- Oved, Y. (2000) *Kibbutz Trends* [Journal] No.38, pg. 45
- Rao, N. (2002) *Bhagat Singh and the Revolutionary Movement*
- Stiobhard, (2001) *Libertarians, the Left and the Middle East*
- Van der Walt, L. (2002) (Personal Communication)
- Wolfe, J. (1993) *Working Women: Working Men: Sao Paulo and the Rise of Brazil's Industrial Working Class 1900-1955* Durham: Duke University Press
- Zarrow, P. (1990) *Anarchism and Chinese Political Culture*. New York: Columbia University Press

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Джеймс Адамс
Не-западный анархизм: переосмысливая глобальный контекст
Скопировано 18 ноября 2014 года с <https://vk.com/anarcholibrary>
ru.theanarchistlibrary.org